

Лариса Миллер
А у нас во дворе

Лариса Миллер
А у нас во дворе

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М60

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Миллер, Лариса

М60 А у нас во дворе / ЛАРИСА МИЛЛЕР. — Москва : АСТ: CORPUS, 2014. — 480 с.

ISBN 978-5-17-082515-8

“Идет счастливой памяти настройка”, — сказала поэт Лариса Миллер о представленных в этой книге автобиографических рассказах: нищее и счастливое детство в послевоенной Москве, отец, ушедший на фронт добровольцем и приговоренный к расстрелу за “отлучку”, первая любовь, “романы” с английским и с легендарной алексеевской гимнастикой, “приключения” с КГБ СССР, и, конечно, главное в судьбе автора — путь в поэзию. Проза поэта — особое литературное явление: возможность воспринять давние события “в реальном времени” всегда сочетается с вневременной “вертикалью”.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-082515-8

© Лариса Миллер, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Содержание

Да-да, конечно, время мчится шустро 9

Глава 1. Большая Полянка

Дом 10, квартира 2	13
А у нас во дворе	29
Кинотеатр очень юного зрителя	34
Царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной	39
На лоне природы	46
Сплошные праздники	52
Мертвый час	59
Родительский день	67
Не ходи за ворота	73
Анна Васильевна с Олимпа	93

Глава 2. И всем, чем дышалось

Мама	101
Папа Миша	118
И всем, чем дышалось	142

Глава 3. Роман с английским

Север, юг, восток и запад	
<i>Север</i>	151
<i>Юг</i>	154
<i>Восток и запад. Целина 1958 года</i>	167
Золотая симфония	185
Кофта с пупырышками	197
Фальшиводокументчица	201
Роман с английским	206
Как по-английски “Батюшки!”?	225
Колыбель висит над бездной	236
Времена группы <i>Simple</i> . Советы учителя	246

Глава 4. Остров радости

Лететь, без усталости скользить	253
Остров радости	260

Глава 5. Героини ненаписанных романов

“Итак, она звалась Татьяной...”	269
Божественная Валерия	278
Фея времен года	285

Глава 6. Муза, оборотень, чудо

Путевые заметки	295
“А если был июнь и день рождения...” (Памяти Арсения Александровича Тарковского)	311
“Поговорим о странностях любви” (Заметки о любимых книгах и стихах)	335

Глава 7. Туда, туда...

О штампах с любовью	375
Весной средь бела дня	387
Музыка. <i>Musica</i>	395
Фермата	402
Мы жили по соседству	412
Dahin, dahin	418
Человек играющий	432

Глава 8. Что у нас время?

А наутро	437
Жилплощадь	441
Спать пора	449
Рай под подушкой	452
Давай как будто	455
О мире, Мцыри и воздушном шаре	459
Ах, лето красное	463
Коллекция	467
Пестрый кушак от белой шубы	473
Что у нас время?	476

Да-да, конечно: время мчится шустро,
Но до сих пор загадочная люстра
В театре давнем гаснет не спеша,
И замирает детская душа.

Да-да, конечно: зыбкость, скоротечность.
Но занавес ползет по сцене вечность,
И я со сцены не спускаю глаз
Горящих. Я в театре в первый раз.

Героя звать Снежок. Он — негритенок.
А янки негров мучают с пеленок.
Бинокля я не выпущу из рук.
Идет счастливой памяти настройка.
Ах, жизнь, ты ненадежная постройка:
То пропадает видимость, то звук.

Глава 1
Большая Полянка

Дом 10, квартира 2

Девочка посыпает солью обледеневшие ступени маленькой прибалтийской гостиницы и поет. Она катается на одной ножке там, где еще не посыпано. Русые волосы рассыпаются, закрывая лицо, когда она наклоняется над ведром.

“Алена, тебе не холодно в одном свитере?” — ее мать, дежурная по этажу, кричит в форточку. Какое там холодно. Ей в самый раз. Скользя и напевая, она занимается прекрасным делом: создает устойчивость, точку опоры. Запустила тонкую руку в ведро, достала пригоршню соли, посыпала ступеньку — вот и почва под ногами. Мои дети с азартом скользят по еще не посыпанному льду. Алена спешит туда же, разбрасывая соль. Они перебегают на новое место. Она за ними. Все визжат и падают, сшибая друг друга.

В детстве все — опора, любая мелочь: старый застиранный бабушкин фартук, который она, кажется, и на ночь не снимает; оранжевый абажур с длинной, грязной бахромой; кнопка звонка, до которого дотянешься, только трижды подпрыгнув. Все это — та же соль, создающая устойчивость.

Родина моя — Большая Полянка. Наверное, никогда не забуду свое исходное положение в пространстве: Большая Полянка, дом 10, квартира 2. Родина моя — купола, “Ударник”, Москва-река, Ордынка, Якиманка. На Якиманке жил наш городской сумасшедший по кличке Груша. У него была вытянутая продолговатая голова и странная манера присесть через каждые несколько шагов. Он шел торопливой подпрыгивающей походкой и вдруг садился на корточки и озирался со счастливой улыбкой. Так, приседая, он добирался до магазина. Послевоенный магазин — костыли, палки, культяпки, хриплые голоса, оружие дети. А возле прилавка безмятежно сидящий на корточках Груша. И никто его не гнал, не бранил. Магазин назывался “инвалидный”. В него стекались инвалиды со всей округи. Но я была уверена, что он звался “инвалидным” потому, что по обеим сторонам прилавка стояли однорукие скульптурки мальчика и девочки. У каждой на локте уцелевшей руки висела корзинка с фруктами. И оба, слегка откинув голову, любовались тем, что держала некогда существовавшая рука. Очередь, духота — все мне было нипочем, потому что я как зачарованная глядела на гипсовых детей.

Мне казалось непостижимым, что такие нарядные и красивые, они — калеки, инвалиды, как те, что, стояли рядом со мной на костылях и культяпках. Не дико ли, что я жалела не живых убогих, которыми кишмя кишел мой тогдашний мир, а безвкусных раскрашенных кукол и утешалась лишь тем, что мысленно возвращала им руки, а в руки давала все, что могла вообразить, — виноградную кисть, яблоко, кулек любимых конфет-“подушечек”.

Хорошо было сосать “подушечку” и не спеша проходными дворами возвращаться из магазина к своему серому четырехэтажному дому. Вот он: два окна на первом этаже, ко-

тельная под окнами. Едва я входила в квартиру, передо мной вырастала толстая, неряшливая соседка с вечным полотенцем вокруг головы. “Ларочка, не хлопай дверь. Ты же пионерка, а у меня мигрень”, — плачущим голосом говорила она.

Туберкулезный муж ее походил на тень. Лицо его было столь узким, что казалось лишенным фаса. Как ни погляди — профиль: запавший глаз, темное подглазье, худая фиолетовая щека. Я засыпала и просыпалась под его шарканье, кашель и кряхтенье. Мне казалось, что я с ним как-то таинственно связана, потому что из-за него меня постоянно таскали на пирке и называли “бациллоносителем”.

Их дочка Верочка, инвалид от рождения, нежно меня любила и, едва заслышав мои шаги, громко и требовательно звала к себе в комнату. Эта Верочка, тридцатилетнее существо с белыми младенческими конечностями и блуждающей улыбкой, была прикована к инвалидному креслу. Когда я входила, она пыталась сосредоточить на мне свой плывущий взгляд и принималась расспрашивать, шепелявя и брызгая слюной: “Ну как ты учишься? Хорошо? Правда хорошо? Ты умная, ты хорошая девочка”.

От Верочки пахло молоком, как от младенца, и затхлостью, как от ветоши.

Идиотка Верочка, туберкулезный отец ее, заплыванный туалет, засиженная мухами лампа на кухне — исчезни хоть что-нибудь из этих жутковатых вещей, и образовался бы, наверное, пробел, зиянье. Любая нелепость, любое уродство быта, существующее изначально, становятся приметами устойчивого, незыблемого мира.

Долгий зимний вечер. Золоченые бронзовые часы на буфете отбивают каждые полчаса. Сколько себя помню, помню и эти часы с фигуркой женщины, склоненной над книгой: изящная головка с пучком бронзовых волос на затылке, брон-

зовые складки длинного платья, бронзовые страницы книги. Бабушка штопает, а я пытаюсь нарисовать мертвую царевну в хрустальном гробу. Мне никак не удается положить ее в гроб, от огорчения пощипывает в носу и хочется плакать.

Недели за две до Нового года мы с бабушкой начинали делать игрушки для елки. Бабушка варила клей, доставала рулоны цветной бумаги, приготавливала ножницы, и мы принимались за дело. Я была нерасторопна и медлительна. Бабушка, потеряв терпение, отнимала у меня клей и ножницы и сама принималась за дело. Мне же давалось какое-нибудь незамысловатое поручение: складывать готовые игрушки в коробку, выбрасывать обрезки. Но все равно мне было хорошо. Единственное, что иногда заставляло меня внутренне сжиматься, — это страх, что бабушка рассердится на меня за мою непонятливость. Она сердилась бурно, начинала кричать и швырять все, что попадало под руку. “Фашистская девчонка, — кричала она, и губы ее прыгали. — Ух-х-х, фашистская девчонка”. Особенно часто такое случалось, когда я оставляла что-нибудь на тарелке несъеденным или когда не могла решить задачку. Но если мы проводили вечер мирно, я была счастлива.

За новогодними игрушками бабушка забывала время. Часы, пошипев, отбивали девять, потом десять вечера. Глаза мои слипались. Дедушка дремал на диване, прикрыв лицо газетой, которая слегка поднималась и опускалась от его дыхания. Мне хотелось, чтобы вечер никогда не кончался. Но предстояло тоже только хорошее. Новый год, особенный, загадочный и счастливый праздник. Мама и бабушка подновят мой прошлогодний костюм: нашьют новую вату на корону, наклеят блестки на старый бархатный мамин халат, и я снова буду Снегурочкой. Я буду танцевать под елкой какой-нибудь импровизированный танец, когда раздастся пугающе гром-

кий стук в дверь и появится Дед Мороз в длиннополом одеянии с ватным воротником и в шапке, закрывающей пол-лица. “Шолом алейхем, дорогие, с Новым годом, — скажет он. — Шолом алейхем, внученька, дай мне бусинку”.

“Дай мне бусинку”, — говорил дедушка, когда хотел поцеловать меня. Он наклонялся ко мне и целовал осторожно, бережно, будто боялся кольнуть своими усами.

Нарочито громкий дедушкин голос и весь его преображенный вид заставляли, замерев, ждать чуда.

А еще были праздники, которые мама устраивала для нас двоих. Вдруг среди недели почти круглосуточной работы у нее случался свободный день, короткая передышка, которая называлась “отгул”. Для меня это звучало как “прогул”, да и означало прогул, потому что в такой день мама разрешала мне не ходить в школу. Мы уже накануне строили планы на завтра. Наступало завтра. Сквозь сон я слышала, как щелкал дверной замок. Значит, мама ушла на рынок. Ранний поход на рынок сопровождал все наши праздники. В такой нерабочий день мама, встав пораньше, накидывала пальто и бежала на рынок. Возвращалась она с чем-нибудь особенным в зависимости от сезона: с баночкой варенца, подернутого коричневой пленкой, с пучком редиски, с букетом сирени или мимозы. Начинался разбор сумок, поиски вазы для цветов, мытье овощей. Я любила мыть редиску. Мне нравилось катать ее между пальцами под струей воды и смотреть, как она становится красной и яркой. Завтрак — миска свежего салата. На пианино — свежий букет. И это только начало дня. А дальше радостные торопливые сборы. Предстоял поход в кино или театр на утренний спектакль. Мама любила безудержное веселье: если кино, то два фильма в день. Если театр, то потом кино или гости. Коловращение, зрелище, шум. К нам

приходило много людей. Летом они входили прямо через окно: спрыгнут с низкого подоконника — и в комнате. Накурено. Несколько пепельниц на полу, возле чьих-то ног. Кто-то наигрывает на пианино “цыганочку”, а мама, рыжеволосая, в легком пестром платье, плывет по комнате, раскинув руки и подергивая плечами. Иногда она склоняется к кому-нибудь из сидящих и, заглядывая в глаза, притоптывает на месте. Смех, шуточные поцелуи.

Бабушкины приемы были совсем иными. Собирались родственники. Некоторых я встречала только по семейным праздникам. Не помню их имен и голосов, но помню, как они держат вилки и обсасывают косточки. Бабушка готовилась к торжественному дню с воодушевлением и самоотдачей. В назначенный час на столе появлялось блюдо с фаршированной рыбой. В отдельных мисочках красный хрен, а в глубокой миске — голубцы, перевязанные ниточкой. Эта нитка не давала мне покоя. “Зачем она?” — каждый раз спрашивала я. “Голубцу крылышки перевязать, чтобы не улетел”, — говорили мне. Я долго и задумчиво обсасывала солоноватую ниточку и, не решаясь выбросить, прятала в карман.

Но иногда мир кренился.

Однажды во двор прибежал кто-то, крича: “Мальчишка под трамвай попал!” Все бросились на улицу, и я пошла, дерзнув нарушить обещание не уходить со двора. На рельсах лежал мальчик. Он был неподвижен, но кисть его руки слабо шевелилась. Я не могла отвести взгляд от этой смуглой, покрытой цыпками кисти.

Через дорогу стоял деревянный флигелек. И там, на втором этаже, на подоконнике распахнутого окна сидела мать мальчика. Она раскачивалась и громко выла. Мне казалось странным, что она не бежит вниз к сыну. Она куталась во что-то большое, черное, раскачивалась и выла.